

Из жизни знаменитостей

Мой отец был, как теперь принято говорить, технарем, но в его жизни интеллигентного человека искусство занимало большое место, и он пользовался каждой возможностью показать мне своих кумиров в театре и кино. Благодаря ему я увидел все фильмы с участием Игоря Ильинского, а также такие его спектакли, как «Клоп», «Ревизор», «Горе от ума», «Лес», «Без вины виноватые». Знал бы он, что я буду лично знаком с артистом, которого он буквально боготворил. Между тем судьба распорядилась именно так. Более того, мое знакомство с Игорем Владимировичем

хотя и произошло совершенно случайно, переросло постепенно в дружбу и продолжалось почти два десятилетия. Познакомил нас Сергей Сергеевич Серпинский. В начале 60-х годов он обратился в «Литературную газету», где я тогда работал в отделе критики, за помощью. Когда-то Серпинский перевел с английского роман Причард «Золотые мили», но затем был репрессирован, а когда вернулся из лагеря, обнаружил, что его перевод переиздан под другими фамилиями. Видимо, решили, что Серпинский канул в небытие, и по-своему «распорядились» его переводом.

Доказательства плагиата, представленные Серпинским, не вызвали сомнений, и я написал об этой некресивой истории статью. Опубликовать ее, однако, не удалось, слишком большие связи оказались «соваторов». А помочь «замаранному» по 58-й статье никто не хотел. От Серпинского я узнал, что он когда-то учился вместе с Ильинским в гимназии и когда потом попал в беду, Игорь Владимирович пытался ему помочь: посылал в лагерь посылки, хлопотал о его реабилитации.

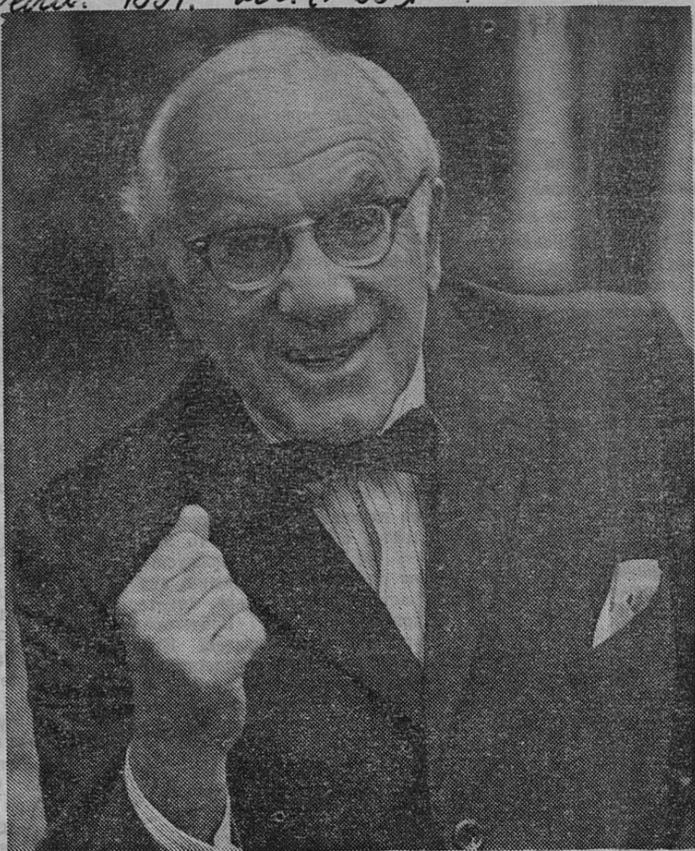
Мое знакомство с Игорем Владимировичем началось с того, что я сделал с ним интервью. Публикация ему понравилась. Затем последовало множество других материалов в разных изданиях, по самым различным проблемам искусства и жизни. Игорь Владимирович, как известно, трудно сходился с людьми. Его расположение ко мне объяснялось, видимо, моим искренним участием в делах его товарища.

Уже нет Сергея Сергеевича, этого маленького, подвижного человечка с необычайно живыми, ироничными глазами, которого сажали неоднократно, каждый раз, когда начиналась очередная волна репрессий. Нет и Игоря Владимировича, который написал на одной из подаренных мне своих книг: «Дорогому, уважаемому Илье Окуневу на память о наших беседах. 24 мая 1973 г.». В июле ему исполнилось бы 90 лет... В эти дни я встретился с его женой — Татьяной Александровной Еремеевой, и мы долго вспоминали минувшее.

Большую часть жизни Игорь Владимирович отдал Малому театру, и все эти годы вы были рядом с ним. Вы тоже актриса этого театра, которым руководил М. И. Царев. Игорь Владимирович всегда отзывался о нем весьма не лестно. Был с ним в плохих отношениях и не скрывал этого.

О мертвых принято говорить хорошо или ничего. Мне тоже не хочется бросать камни в его сторону, но факты есть факты и от них никуда не уйдешь. Вместе с тем скажу, что он все-таки был личностью, фигурой на фоне сегодняшнего дня, в свете того, что теперь происходит в театрах. Что бы о нем ни говорили, Царев был образованным, театральным человеком. Неверно было бы говорить, что он делал только плохое. Порой он проявлял справедливость, достаточно глубоко понимая искусство, умея правильно оценивать его. Если же он, бывало, вставлял «палки в колеса» Игорю Владимировичу, то делал это не в открытую. Судьба распорядилась так, что они, будучи почти ровесниками, фактически всю жизнь проработали бок о бок и всегда были на ты. Тем не менее многолетняя неприязнь действительно имела место и основания для этого были веские.

Теперь, когда обоих уже нет, можно, как говорится, открыть карты... В основе конфликта лежало отношение к Мейерхольду. Игорь Владимирович не мог простить Цареву его активное участие в кампании по закрытию театра Мейерхольда и в травле Всеволода Эмильевича, выступления Царева против него в печати, подыгрывавшие тем, кто разрушал культуру и губил таланты. Сохранились документы, говорящие о том, что Ильинский смело ходатайствовал о сохранении театра Мейерхольда, а впоследствии хлопотал о посмертной реабилитации Всеволода Эмильевича. Ему первому и внучке Мейерхольда Маше Валенте следовало показать документ о приведении приговора о расстреле в исполнение... Царев знал, что Ильинский пре-

зирает его за предательство, видел в нем живой упрек, а свидетель никогда не вызывает к себе положительных эмоций у того, кто совершил подлость. Интересен, например, такой факт. Когда было столетие Мейерхольда, Царев, будучи председателем ВТО, собрал совещание, чтобы обсудить, как отметить эту дату. Присутствовали Завадский, Кукрыниксы, Шостакович, Февральский — люди, которые хорошо и близко знали Мейерхольда. Царев, как ни в чем не бывало, заявил: «Вечер начнем с того, что я сделаю доклад», словно никто не помнил, какую неблагоприятную роль он сыграл в судьбе Мейерхольда. Игорь Владимирович поднялся и гневно, но сдержанно сказал: «Доклад о Мейерхольде ты делать не можешь». Собравшиеся были в шоке. Воцарилось гробовое молчание. «Почему?» — спросил растерявшийся Царев. «Ты сам знаешь, почему!» — ответил Игорь Владимирович.

Как же проявлялось тайное недоброжелательство Царева к Ильинскому? Да взять хотя бы некресивую историю во время гастролей в Париже. Две бывшие ученицы Комиссаржевского пригласили Игоря Владимировича к себе, попросив провести литературный концерт. Узнав об этом, Царев заявил: «Попробуем один Ильинский, а не вся труппа! Мы все читаем!». Ему ответили: «Все нам не нужны». В результате концерт не состоялся. Или вот еще «деталь». Это были первые гастроли нашего театра в Париже. Однако в программе даже не указали, кто именно играет Акима, а ведь он был по существу украшением спектакля. Когда, вернувшись в Москву, Ильинский показал эту программку Фурцевой, она была удивлена и не скрывала возмущения.

Как-то в театр поступил запрос из Греции. Продюсер приглашал спектакль «Лес», поставленный Ильинским, где он сам играл. Эту бумагу Царев утаил, продержав у себя в столе шесть месяцев. Хотел, чтобы ехал не только один Ильинский, а его, Царева, театр, да с двумя-тремя спектаклями. Но греки интересовались только «Лесом», и «благодаря» стараниям Царева гастроли вообще не состоялись.

У меня сохранились письма антрепренера Леонидова, бывшего мхатовца. Он хотел привезти в Париж и Лондон «Ярмарку тщеславия» и, кроме того, выразил желание, чтобы Ильинский поставил там этот спектакль с тем же художником, в тех же костюмах, с теми же мизансценами. Писем в дирекцию театра было пять или шесть, но на них не реагировали. Ильинский написал министру культуры. Ответа не последовало. По-

степенно вопрос отпал сам собой. Вместе с тем не могу сказать, что Царев впрямую препятствовал Игорю Владимировичу в работе. Как директор, он давал ему возможность ставить те спектакли, которые тот выбирал. Хочешь «Ревизора»? Пожалуйста! Хочешь «На всякого мудреца довольно простоты»? Сделай милость! И в подбор исполнителей роли почти не вмешивался. Но он никогда не радовался успехам Ильинского. Они портили ему настроение. Не мог до конца скрыть зависть и ревность. А завидовать было чему. Игорь Владимирович получил звание лауреата Ленинской премии, а он нет. У Ильинского была необычайная популярность, а Царев был известен больше в среде театралов да чиновникам из министерства культуры.

Фамилия Царев вроде бы такая многозначительная, солидная, а вот получается, что носил ее человек, который по сути своей, если хорошо вдуматься, был полнейшей противоположностью — был послушным угодником, покорным исполнителем всех указаний, которые шли сверху, лживым царедворцем. В такое положение он поставил себя сам, будучи карьер-

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

на сцене И за кулисами

он был два раза. Доброго, впрочем, она тоже ничего не сделала, но хотя бы не мешала работать и считалась с ним. От Демичева он ее отличал. Говорил, что она все-таки добрее, справедливее и в чем-то смелее.

Игорь Владимирович сталкивался с какими-то трудностями в осуществлении творческих замыслов? — В постановках спектаклей ему не отказывали. Что сам хотел, то и ставил. Иное положение у него было как у артиста-чтеца. В концертных организациях так называемые идеологи чинили всякие препятствия в отношении репертуара. Постоянно запрещали читать то одно, то другое. Например, «Сон Попова» Алексея Толстого вызвал резко отрицательное отношение со стороны официальных лиц. Говорили: есть мнение, что читать это не следует. Тем не менее Ильинский умудрялся читать. Каждый раз, приходя с концерта, говорил: ну, завтра вызовут и начнут опять выговаривать.

А мне он по этому поводу, смеясь, говорил: «Моя сила в том, что они из-за своей примитивности не понимают, что интонацией и паузой можно из самого советского текста сделать антисоветский. Цепляются к словам, а самого простого понять не могут, что настоящее искусство живет подтекстом».

Да, Игорь Владимирович был большим мастером интонаций и пауз. Умел вскрывать и второй, и третий план, какой ему был нужен. Фраза прочитана, а «вещественного» доказательства не осталось. Слова все правильные. Чиновник в бешенстве, а доказать ничего не может. Зато умный слушатель все, как надо, понял... — В молодости Игорь Владимирович играл в атеистических фильмах. Например, в «Чуде святого Антония» зажигательно развенчивал религию и ее служителей. Изменилось ли его отношение к ней на склоне лет?

То, что Ильинский принимал участие в атеистических фильмах, ни о чем не говорит, ведь он был артистом и мог выступать в любом образе. А верующим он был всегда. У него было два знакомых священника. Оба, как ни странно, были его поклонниками. Ходили на все его спектакли, и он очень прислушивался к их мнению. Однажды в детстве он спросил маму: «Есть ли бог»? Она ответила: «Есть, но он в твоём сердце». Так он потом написал и в рукописи книги «Сам о себе». Однако, получив из издательства корректуру, прочитал в ней совсем другое. На вопрос о боге мама якобы ответила ему, что бога нет. Возмущению Игоря Владимировича не было границ. «Все это ложь!» — сказал он редактору. — Такого разговора в

Владимирович. Творческое начало все-таки стояло над всем, что было личным в их отношениях. — Игорю Владимировичу довелось жить в эпоху таких временщиков в области культуры, как Фурцева и Демичев. Известно, что он встречался с ними. Как складывались их отношения? — Однажды Игорь Владимирович записался на прием к Демичеву. Положение в театре было тяжелым: плохо обстояло репертуаром, к постановке приняли явно плохие пьесы и в то же время коллектив раздирали конфликты, мешавшие работе. Ильинский не мог с этим смириться и решил поговорить с Демичевым, который занимался в ЦК вопросами культуры. Но результат беседы оказался нулевым. Демичев выслушал, но потом пальцем не пошевелил. Когда он позже стал министром, то вообще ни разу не принял Игоря Владимировича. Отказывался под любым предлогом. Но истинная причина заключалась в том, что он был в хороших отношениях с Царевым, находился под его влиянием и свою «линию» Царев гнул через него. С Фурцевой у Игоря Владимировича отношения были лучше. Она его, как говорится, привечала. У нее

стем, готовым на все ради высококого положения и льгот. Начальство ценило его за это удобное ему качество служак. Ильинский же всю жизнь вел себя независимо, был во всех отношениях человеком свободным. Не кажется ли вам, что это тоже в известной мере определило отношение к нему Царева, который не мог не завидовать такому положению Ильинского? — Это не подлежит сомнению. Человек, связанный по рукам и ногам, не может не завидовать свободному, который волен делать то, что ему нравится. Игорь Владимирович всю жизнь служил искусству, тем писателям, которых любил и ценил, Чехову, Островскому, Зощенко, Маршаку, а не прислуживал «лицам», не старался услаждать их сомнительные вкусы, удовлетворять их примитивные интересы. Царев, конечно же, не мог внутренне примириться с такой разительной разницей в их положении в искусстве. Не мог внутренне не уважать Ильинского за его твердую и непримиримую позицию в жизни. Царев был махровым сталинистом, воспитанником того режима. Фурцева слышала от него только комплименты.

Никогда не забуду минуты прощания театра с Игорем Владимировичем. Он лежал на сцене, которой отдал всю свою жизнь, а весь зал, стоя, отдавал последнюю дань великому артисту бурными аплодисментами. Так почтил его память предложил Эльдар Рязанов... Это был самый трагический рекевием, который мне когда-либо приходилось слышать... — Должна сказать, что Царев тяжело переживал смерть Игоря Владимировича. В его лице он потерял своеобразный эмоциональный допинг. Слово увидел, что ему теперь уже незачем жить дальше, если нет духовного противника. Когда он похоронил Ильинского, понял, что остался один. Все остальные, что кругом, — подхалимы. Ильинского он ощущал как личность. Мне кажется, что Михаил Иванович позже пересматривал свои взгляды. У меня всегда было впечатление, что он глубоко сожалел о своем поведении в отношении Мейерхольда. Я хочу верить в лучшее, что в нем было. Вражда враждой, но когда я сделала инсценировку романа «Человек, который смеется» и Игорь Владимирович принес ее Цареву, тот сказал, прочитав: «Я хочу играть в ней Урса». «Согласен», — ответил Игорь

жизни не было, и верстку я подписывать не буду». Почти полгода рукопись лежала без движения. Только когда первоначальный текст восстановили, Ильинский дал согласие на печатание книги.

Игорь Владимирович всю жизнь считал, что бог есть и он в его сердце. Он был очень совестливым человеком. Постоянно копался в своей душе, признавал свои грехи, чтобы очиститься от того, что считал неверным в своей жизни.

Но, будучи верующим человеком, Игорь Владимирович в то же время состоял и в партии... — Вступить в партию Игорю Владимировичу предложила секретарь партбюро Малого театра. Она несколько раз говорила ему, ссылаясь на райком, что товарищи оттуда хотели бы видеть его в рядах партии. Они считают, что он своей прямотой и принципиальностью принесет театру большую пользу как коммунист. Игорь Владимирович ссылаясь на то, что он человек религиозный, а это несовместимо с членством в партии. «Это неважно», — отвечала секретарь. — Ваша вера — ваше личное дело и никого не интересует. Игорь Владимирович был доверчив и вял совету. Решил, что в таком новом для него качестве действительно сможет принести больше пользы Дому Островского. Только позже он понял, что вовлечением в партию его хотели просто подчинить партийной дисциплине, решениями партийного бюро, лишит возможности выступать с собственным мнением на художественном совете.

Начал Игорь Владимирович свою «коммунистическую» деятельность с того, что встал на защиту тех, на кого пытались возводить нелепые обвинения. Например, артиста Березова. Его вдруг уволили. В кулуарах говорили, что он рассказывает «не те анекдоты». Ильинский защищал Березова на партбюро, а затем в суде, хотя ему «советовали» не вмешиваться. Суд, превратившийся в фарс, в издевательства над законом, произвел на Игоря Владимировича тягостное впечатление.

«Я хочу выйти из партии, — говорил он мне не раз. — Это все не то, что я думал. Там заняты демагогией, клеветой друг на друга. Люди используют свое членство, чтобы делать карьеру и бездельничать. Говорят совсем не то, что думаю. За глаза одно, публично — другое. В узком кругу своих льют грязь, ругают, а в официальной обстановке тем же самым восторгаются... Я больше не желаю все это слышать».

Я отвечала: «Но ведь у тебя сын. Его выгонят из института. Как он будет жить дальше, как получит потом работу?» «Ты права», — соглашался Игорь Владимирович. К мысли о выходе из партии Игорь Владимирович возвращался и после знакомства с документами о расстреле Мейерхольда. Это было для него настоящим потрясением. Он вернулся домой больным и плакал, как дитя... — Чем объяснить, что Игорь Владимирович избегал участи тех своих коллег, кто стал жертвой репрессий? Или гонения в какой-то мере коснулись и его тоже? — Игорь Владимирович был очень смел в своих высказываниях. Бросал порой такие реплики, после которых трудно было спать спокойно. Он противостоял многим несправедливостям и чуть ли не всю жизнь опасался, что придут и за ним. Для этого достаточно было уже того, что многие его друзья оказались за решеткой и в лагерьях. Спасло Игоря Владимировича, по-моему, то, что Сталин очень любил «Волгу-Волгу». Потому, наверное, и Г. Александров уцелел.

Однажды, встретившись с Ильинским на каком-то приеме, Сталин сказал ему: «А-а, мой друг Бывалов! Я бюрократ, вы — бюрократ, мы пойдем друг друга». Он смотрел «Волгу-Волгу» 16 раз, и, видимо, Ильинский был вне чего-то, ему не нужно было его трогать. Это мое личное мнение. На Ильинского все время сыпались какие-то поощрения, награды. Он был артистом счастливой и редкой в наше время судьбы.

Мы долго говорили в тот день с Татьяной Александровной, перебирали старые фотографии. С чувством большой личной потери покидал я дом в Колобовском переулке. Но что —? Искусство наше потеряло выдающегося мастера сцены, а на доме, где он жил, до сих пор не установлена мемориальная доска, увековечивающая его светлую память.

Илья ОКУНЕВ.

Илья ОКУНЕВ.

Илья ОКУНЕВ.

Илья ОКУНЕВ.

Илья ОКУНЕВ.

Илья ОКУНЕВ.

Илья ОКУНЕВ.